

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470)

«ВЕРХОВСКАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИЯ»: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ПРАВОМЕРНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ

© Анатолий Александрович МАЙОРОВ

Орловский государственный институт искусств и культуры,
г. Орел, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
кафедра истории и музейного дела,
e-mail: aamajorov@rambler.ru

История России в целом может быть результативно изучена только на основе исследования истории крупных российских регионов, отличавшихся индивидуальной спецификой своего развития. Одним из таких регионов являлась территория верхнего течения Оки и ряда прилегающих территорий, представлявшая собой отдельную историко-географическую провинцию. Проведен анализ историко-географических причин ее выделения и рассмотрены отдельные аспекты существования. Указано, что данный регион в течение VIII–XVI вв. характеризовался наличием общего комплекса политико-экономических и социально-географических особенностей, ставших причинами длительного существования сначала автономного вятичского этнополитического объединения (племенного княжения), а затем Верховских княжеств в окружении соседей, более сильных в экономическом, военном и политическом отношении. Проанализированы история и причины возникновения рассматриваемого термина, предложена возможная периодизация истории региона, обоснована экономико-географические и историко-географические предпосылки его возникновения, существования и завершения. Обосновано существование внутреннего единства и преемственности различных этапов исторического развития. Отмечена связь рассматриваемой территории с историей Хазарского каганата, Черниговского княжества, Золотой Орды, Московского и Литовского великих княжеств, Русского централизованного государства. Приведен историографический обзор по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: Россия; историческая география; верхнеокский регион; специфика исторического развития; историко-географическая провинция.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-2(154)-67-75

Русская история на протяжении всего времени существования России представляла собой сложный комплекс огромного количества событий и взаимно связанных явлений. Научный анализ такого комплекса традиционно затруднен обширностью территории страны, последовательно формировавшейся в пределах разных природно-климатических, этнических и политических зон. Объективное рассмотрение русской истории осложнено очевидными историко-географическими различиями российских регионов, развитие которых происходило на базе местной специфики и с учетом частных оригинальных отличительных черт. Вследствие того, целостное изучение истории России, достоверное воссоздание единого комплекса закономерно обусловленных процессов, определявших

перспективы, возможности и конкретные направления развития обширной страны, может состояться лишь на основе рассмотрения прошлого отдельных регионов – ее крупных составных частей.

Региональная проблематика исторических исследований остается весьма востребованной в отечественной исторической науке. Многие историко-географические регионы четко локализуются в пределах России и являются благодатными объектами для изучения их прошлого. К примеру, не вызывает сомнений своеобразие Центрально-Черноземного региона России, вхождение которого в состав Российского государства растянулось на период с конца XVI в. до первой трети XVIII в. Названный процесс представлял собой упорную борьбу русских людей с

крымскими татарами за обладание территорией, выгодной в экономическом, политическом и хозяйственном отношениях. Специфика Центрального Черноземья характеризовалась его пограничным расположением и определялась фактом заселения и хозяйственного освоения этой ранее никем не занятой территории.

Специфичность территорий, заселенных славянами в период, предшествующий возникновению Древнерусского государства и впоследствии не терявших свое славянское население, была несколько иной. Она определялась не столько прямой деятельностью государственных структур, сколько особенностями местного этно- и политогенеза, спецификой военно-стратегического положения таких земель, их политическим взаимодействием с крупными и влиятельными соседями. Более того, такие территории, по-видимому, могли никогда не быть выделены в виде суверенных административно-территориальных образований, что создает дополнительные формальные трудности для их специального изучения.

Незавершенность процесса выявления реальной территориально-политической структуры постоянно выпадала из внимания исследователей отчасти из-за несовпадения российской и европейской территориально-исторической терминологии. С этим можно было бы мириться в случае сохранения исключительно «столицецентричного» подхода к изучению российской истории, когда любые события и факты вне столицы трактуются лишь как искаженное отражение движений и новостей метрополии. В том же случае, если рассматривать государство Российское в качестве синтетического продукта результатов исторического развития всех территорий исторической России, тогда подобное пренебрежение может выглядеть как явление совершенно ненаучное.

Значимость региональных «историй» в настоящее время не подвергается сомнению серьезных исследователей. Значительно более сложен вопрос о конкретизации деления российской территории на более мелкие территориальные единицы и нахождении того нижнего предела, пройдя который, историческое исследование переходит на уровень краеведческий.

По нашему мнению, основным критерием выявления такого рода минимальных территориальных образований является их способность к высокому уровню самостоятельности в политической, социальной и экономической активности. Великие княжения XIV–XV вв. вполне обоснованно могут выступать в качестве такого рода единиц. В то же время, княжества удельные, в большинстве своем, такого рода субъектами выступать не способны, что, впрочем, не исключает возможности для них становиться субъектами исторического процесса в союзе с княжествами великими либо в соединении с иными уделами. Союзы такие могут быть как временные, так и постоянные, основанные на общности происхождения правящих династий, населения, политических и экономических интересов, близости границ и ряде иных значимых факторов. Именно таким союзом удельных княжеств являлась территория Верховской историко-географической провинции во второй половине XIII – XV в. Как известно, отдельные территории России сохраняли свою реальную или формальную независимость вплоть до времени их включения в состав Московского централизованного государства. Зачастую такое включение было результатом крупных военно-политических акций. Вместе с тем вхождение в состав единого государства некоторых обширных территорий, долгое время существовавших совершенно автономно, прошло мимо взгляда маститых исследователей. Одной из самых крупных и значимых из них, по нашему мнению, являлась территория бассейна верхнего течения Оки.

В исторической литературе за расположенными здесь русскими удельными княжествами прочно утвердился термин «верховские княжества». Данный термин считается общепризнанным и в настоящее время используется без кавычек, ранее определявших его некоторую условность. В Большой российской энциклопедии присутствует статья «Верховские княжества», в которой сообщается следующее: «Верховские княжества возникли в Верховском (Верхнеокском) регионе, включали также территорию между речья притоков Десны и Оки (в земле «Вятичей»)» [1, с. 197]. Оригинальный термин «верховские князья» дошел до нашего времени в одном сохранившемся источнике – в

тексте договора московского князя Василия II с польским королем Казимиром IV от 31 августа 1449 г. Данного документа оказалось достаточно для включения рассматриваемого термина в научный оборот.

Термин «верхний» либо «верховский» фиксировался и в более ранний период. Ипатьевская летопись упоминает эпизод 1185 г., когда «великий кнзь Всеволодичъ Стославъ. шель бяшетъ в Корачевъ. и сбирашеть от верхнихъ земель вои. хотя ити на Половци к Донови на все лето» [2, с. 644-645]. Так как эта территория традиционно связывалась с верховьями Оки, то она получила условное название Верховского (или Верхнеокского) региона. Как указано выше, данное название распространялось на русские княжества, которые возникли на рассматриваемой территории сначала как уделы Черниговского княжества, а с 1246 г. как отдельные административные формирования под властью сыновей черниговского князя Михаила Всеволодовича и их потомков.

Тщательное изучение вопроса прохождения границ разного иерархического уровня в рассматриваемом регионе позволяет очертить его примерные контуры на протяжении ряда веков и делает возможным говорить о существовании в прошлом весьма крупного историко-географического региона под вышеуказанным названием. Данный регион в течение долгого времени характеризовался наличием общего комплекса политико-экономических и социально-географических особенностей, ставших причинами длительного существования сначала автономного вятичского этнополитического объединения (племенного княжения), а затем Верховских княжеств в окружении соседей, более сильных в экономическом, военном и политическом планах. На основании имеющихся определений предлагается использовать несколько более широкое обозначение данной территории, а именно: «Верховская историко-географическая провинция», или «Верховия». Данная территория включает в себя, в своем большинстве, орловские, тульские, брянские, калужские и липецкие земли.

Названный регион представляет собой территории, ограниченные на севере широтным течением реки Оки, на западе – бассейном реки Десна, на востоке – верховьями реки Дон, на юге – водоразделом реки Сейм.

Эти границы не всегда имели устойчивый характер и менялись под воздействием политических, военных и этнических факторов, тем не менее, ядро «Верховии» оставалось неизменным примерно с середины I тысячелетия н. э. [3].

Ряд весомых причин позволяют представлять историю верховских княжеств и территорий как логичное и естественное продолжение истории Земли вятичей и северо-восточных волостей великого княжества Черниговского. Более того, выявление однородности и синхронности внутренних и внешних воздействий, отмечаемых на рассматриваемой территории, подкрепленных рядом естественно-географических особенностей и политических связей, подтверждает суждение о существовании в рассмотренном районе России особого Верховского мегарегиона. Использование широко распространенного термина «верхнеокский» в данном контексте представляется не всегда корректным, т. к. исследования показали значительную степень близости этнических, политических, экономических и социальных процессов не только в бассейне Верхней Оки, но и на прилегающих к нему территориях Верхнего Дона и западных притоков Десны. Для исключения путаницы и в целях поддержания исторической традиции обоснованным и удобным следует полагать использование термина «верховские земли», либо «Верховия».

Рассмотрение известных исторических процессов позволяет говорить о временной конечности существования данной историко-географической провинции. Завершением существования исторической провинции, по мнению автора, следует полагать кардинальное изменение ее границ, в значительной степени затронувшее «ядро» территории, повлекшее за собой значительную, вплоть до смены, модификацию существующей политической системы, экономического уклада, демографические, этнические пертурбации и иные социальные, политические, экономические, военные и прочие потрясения, приведшие к нарушению внутреннего единства провинции и не позволяющие впредь рассматривать совокупность ее составных частей в качестве единого целого. Для рассматриваемой территории таким рубежом стала вторая половина XVI в. – момент оконча-

тельной интеграции верховских земель в Российское государство.

Нет оснований утверждать о первостепенности либо чрезвычайной важности данного региона в русской истории. Эта территория не может предъявить для доказательства своей исключительности ни крупных археологических объектов, ни письменных повествований либо былинных преданий. Максимально долго из восточнославянских племенных княжений, сохранив свою самостоятельность, этот регион время от времени входил в качестве составной части в состав иных государственных образований (Хазарский каганат, Черниговское княжество, Великое княжество Литовское, Московское царство) либо попадал в сферу влияния более сильных соседей.

Тем не менее, в ситуации ослабления жесткого административного и военного контроля, эта территория неизбежно возвращалась к своим традиционным границам и демонстрировала уникальную способность к самовосстановлению в новых условиях. Являясь в русской истории действующим лицом второго плана, верхнеокский регион не может претендовать на звание полноценной русской «земли», как, безусловно, верно обозначены территориальные игроки первого ряда [4, с. 6-7].

В то же время прослеживается весьма высокая субъектность данной территории, подтвержденная исключительно высокой степенью унификации внутренних процессов и реакций ее составных частей на внешние воздействия.

Исходя из изложенного, предполагается вполне адекватным определить статус рассматриваемого региона в качестве исторической провинции (страны), исходя из суждения о чрезвычайной масштабности Руси как исторического явления на фоне современных ей суверенных европейских государств. Будучи умозрительно размещенной внутри современной ей Западной Европы, верховская историческая провинция вполне гармонично располагалась бы среди большинства независимых европейских монархий как весьма крупная, населенная и экономически достаточная структура с давними, глубокими и обоснованными генеалогическими и политическими традициями.

Применение термина «микрорегион» в отношении образования площадью около 100 тыс. квадратных километров, на чем настаивают порой некоторые историко-географические исследования, следующие европейской методологической традиции, в этой связи представляется не вполне адекватным. Термины, используемые во многих историко-географических исследованиях – микро-, мезо-, мегарегион – по нашему мнению, хотя и являются понятными, но сформированы в некотором отрыве от научной исторической традиции, уже освятившей использование понятия «историческая провинция», использование которого выглядит несколько более обоснованным.

В своих суждениях мы опираемся на достаточно длительную и устойчивую традицию изучения рассматриваемого региона. Начало употребления термина «верховские» в качестве исторического следует отнести к первой публикации договора Василия II с Казимиром IV 1449 г. в 1836 г. в сборнике документов, изданном историком-археологом П.А. Мухановым под названием «Сборник Муханова» [5, с. 9]. В вышеназванном документе были упомянуты «верховские (верховстия) князья». Впоследствии М.К. Любавский предложил считать «верховских» князей князьями «верхнеокскими». Он полагал, что земли, которыми эти князья управляли, находились на «верхнеокской Украине» по отношению как к Московскому, так и к Литовскому великим княжествам. В связи с этим М.К. Любавский назвал эти территории «верхнеокскими княжествами» [6, с. 49-52].

Год спустя Ф.И. Леонтович в своей работе уже неоднократно упоминал «верховских князей» применительно к территории верхнего течения Оки [7]. Через некоторое время украинским историком М.С. Грушевским без каких-либо разъяснений в научный оборот был введен новый географический термин «верховские княжества» [8, с. 69].

Позже М.К. Любавский конкретизировал новое понятие. К верховским княжествам он причислил «княжества на верхней Оке: Новосильское, Одоевское, Воротынское, Белевское и др.» [9, с. 84-85].

Критерием отнесения княжеств к верховским ученый избрал принадлежность их правителей к потомкам черниговского князя Михаила. Термин «верховские княжества» ис-

пользовал польский ученый К.М. Кучинский, который предложил собирательное название для всего региона – “Wierchowszczyzna” (Верховщизна) [8, с. 69; 10].

В таком понимании характеризующий географический термин фактически стал нормой в отечественной историографии. В настоящее время он используется как общеизвестный во многих энциклопедических статьях [1, с. 197].

Более того, в специальном исследовании А.В. Шекова по истории рассматриваемой территории этот термин предлагается писать с заглавной буквы как имя собственное – «Верховские княжества» [11].

Можно утверждать, что в определениях терминов «верховские князья» и «Верховские княжества» учеными учитывались следующие факторы: генеалогический – по преданию родословцев общее происхождение этих князей от князя Михаила Черниговского; географический – расположение владений этих князей преимущественно в бассейне верхней Оки; политический – признание Москвой некоторой зависимости этих князей от Великого княжества Литовского к середине XV в.; правовой – статус землевладений этих князей по отношению к своему сюзерену.

Другой важной причиной выделения рассматриваемого региона является анализ экономико- и историко-географический. Географические рамки Верховского региона очерчивают территорию, характеризующую единством целой серии экономических характеристик. Основным показателем этого является расположение региона в чрезвычайно выгодной и важной зоне речной торговой логистики – при смыкании бассейнов трех важнейших русских рек – Волги (в части ее самого «славянского» крупного притока – Оки), Днепра (Сейм и Десна с притоками) и Дона. Стоит заметить, что название «Верховия» очень точно отмечает не только верховья Оки, но и верховья Дона и верховья крупных западных притоков Днепра. Такое пограничное положение на стыке трех крупнейших и важнейших в русской истории географических зон определяло важность верховских земель как места транзита: транзита товаров, войск, народов и даже государственных и религиозных учений.

Значение разветвленной речной сети в российской истории на всех ее этапах – сла-

вянской колонизации, возникновения Руси и ее экспансии по Русской равнине, периода раздробленности и формирования московского государства – чрезвычайно велико. Все крупнейшие русские историки обращали на это свое внимание. Для примера достаточно привести высказывание В.О. Ключевского: «Никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России» [12, с. 74]. Эта особенность русских речных бассейнов проявилась в рассматриваемом регионе особенно выразительно, т. к. в его пределах находилась граница водоразделов трех крупнейших восточноевропейских речных систем.

Потенциально лишь соприкосновение бассейнов Волги, Днепра и Западной Двины могло составить конкуренцию Верховскому региону по удобству трансбассейнового транспортного проникновения и сообщения на территории Русской равнины, но экономические возможности и более высокое производственно-культурное развитие южных регионов (с которыми были связаны Ока, Дон и Десна) делали подобное соревнование заведомо проигрышным. Более того, близость указанных узлов, по всей видимости, позволяла верховскому речному комплексу также использовать и потенциал двинского направления.

Важной чертой для характеристики историко-экономического своеобразия региона следует указать границу степей и лесов, которая проявляет себя до сих пор как граница черноземных и нечерноземных земель. Нечерноземные почвы могут быть взяты как маркер историко-географической зоны лесов, с присущими именно им особенностями организации жизни, быта и экономики. Современные исследования достаточно прочно связывают расселение славян с речной системой и размещением различных видов почв. Как известно, по территории верхнеокского бассейна проходит граница широколиственных и смешанных лесов с луговыми степями лесостепной зоны. Отмечается резкое изменение характера почв при движении с северо-запада к юго-востоку: от дерново-подзолистых почв до выщелоченных и оподзоленных черноземов.

Таким образом, рассмотрение географическим особенностям данного региона позволяет сделать вывод о потенциально перспективном, с экономической точки зрения, его расположении: на транспортных речных маршрутах, соединяющих северное Причерноморье, Волго-Каспийский регион и северную Европу. Удобные для разработки залегающих болотных руд и гончарных глин в сочетании с большим количеством растительного топлива и возможностью поставок по упомянутым торговым путям привозного сырья дополняют экономические возможности региона. Весьма важным и, в некоторой степени определяющим, является в целом высокое плодородие почв, обусловленное близостью черноземной зоны, что позволяло получать относительно высокие урожаи зерновых и, по всей видимости, бобовых без чрезмерных усилий. Наличие лесистой мест-

ности давало возможность укрытия от набегов кочевников.

Еще одним значимым фактором, подтверждающим правомерность выделения особого верховского региона, является преемственность и устойчивость его границ на протяжении нескольких веков существования вне прямой зависимости от изменений форм политической и территориально-административной организации. Приводимые на рис. 1 данные наглядно подтверждают и доказывают существование на протяжении нескольких веков устойчивой культурно-экономической зоны в рассматриваемом регионе.

Следует отметить специфические черты региона. Первой и характерной особенностью Верховии как географического понятия должна быть указана ее постоянная пограничность – расположение на нескольких важных географических рубежах.

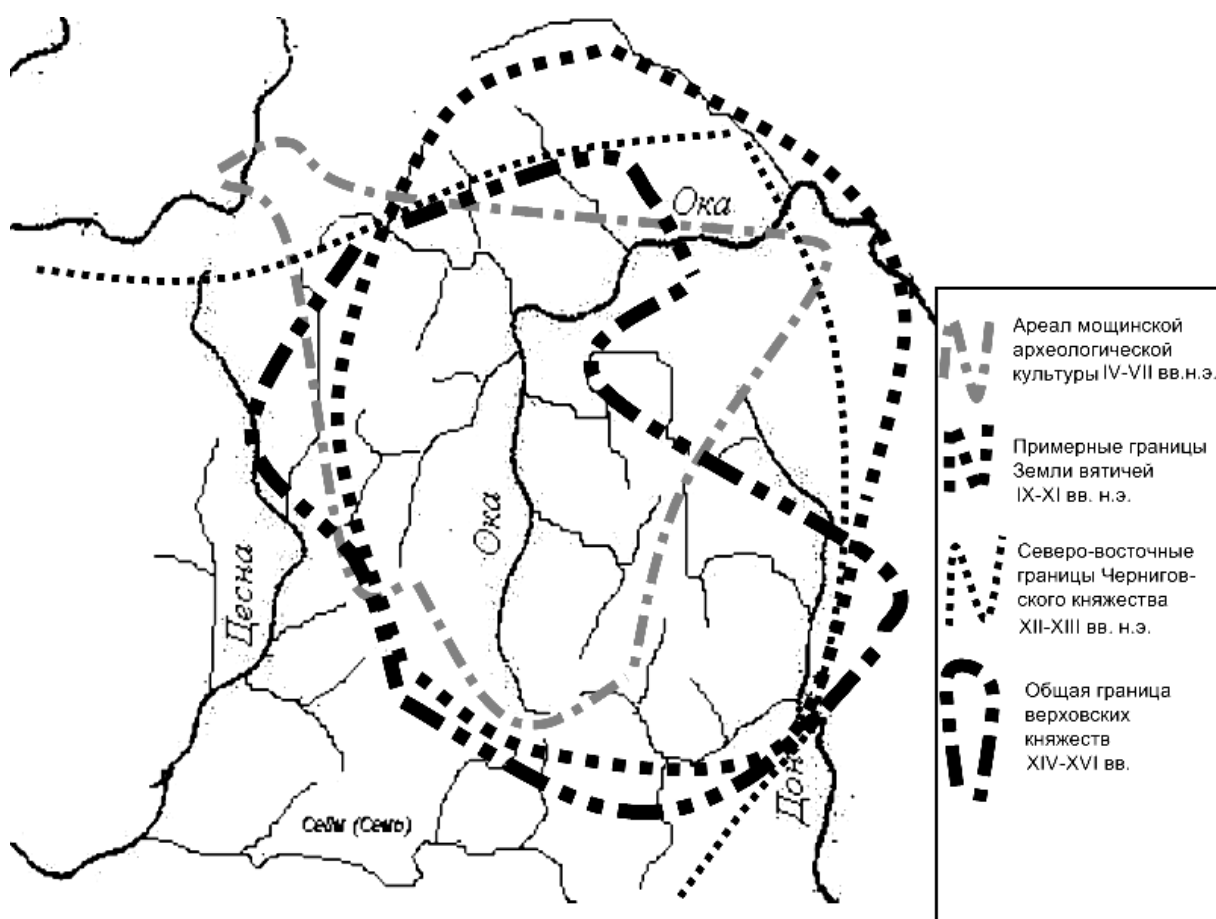


Рис. 1. Культурные, племенные и административные формирования на территории Верховской историко-географической провинции в IV–XVI вв.

Второй важнейшей особенностью Верховии является возможность прослеживания этнической и культурной преемственности ее населения на протяжении всего периода существования мегарегиона. Большинство населения являлось потомками летописного племени вятичей, последним из восточнославянских народностей покорившемся воле русских князей. Вятичи же являлись наследниками как минимум двух культурных традиций – славянской (роменско-боршевской) и балтской (мошинской). Кроме того, значительную часть населения Верховии, наряду с коренными вятичами, составляли потомки черниговцев и жителей соседних территорий, переселявшихся на север и северо-восток во время монголо-татарского нашествия.

Примерно с черниговского периода можно отследить единство происхождения княжеских династий, правивших этими землями. Все исконные верховские князья возводили свои родословные к одному предку – великому князю черниговскому Михаилу Всеволодовичу. Важным фактором стало и единство происхождения местного боярства, основу которого составляли, по всей видимости, потомки знатных черниговских родов, также бежавших на лесистый север прежнего Черниговского княжества.

Третьей важнейшей особенностью рассматриваемой территории является отслеживаемое на протяжении нескольких столетий ее транспортное значение. Через эти земли, несмотря на их сложное экономико-географическое положение в бассейне верхней Оки и среди гигантского Оковского леса, простиравшегося вплоть до истока Волги на Валдае, всегда проходили важнейшие транспортные маршруты [13, с. 16-17].

Как указывалось ранее, верховские земли долгое время представляли собой территории межэтнических и межкультурных контактов и транзитной торговли. В середине первого тысячелетия нашей эры – между балтами, славянами разных племен, гуннами, аварами и сарматами, ближе к концу тысячелетия – между вятичами, северянами, варягами-русами и хазарами. В начале второго тысячелетия – между вятичами, уже почти полностью славянской Русью и половцами, затем – между верховянами (жителями Верховской Руси), другими русскими княжествами, татарами и литвинами, а потом – внутри единого Мос-

ковского княжества, быстро превратившегося в многонациональное Русское царство.

Возникновение и консолидация Верховской исторической провинции стали возможны в результате грандиозных процессов, протекавших на территории Восточной Европы во время и после завершения эпохи Великого переселения народов: подъема и падения Готской державы, возникновения, расселения и консолидации славянских этносов, ряда последовавших нашествий кочевых народностей, изменения торговых и транспортных маршрутов как следствия ряда геополитических катастроф и модернизаций, а также большого количества объективных политических, военных, этнических, экономических, климатических и иных значимых причин. Нижней хронологической границей исследуемого территориально-политического образования следует считать VIII–IX вв., что обусловлено как достоверными археологическими, так и летописными данными. Завершение первого этапа независимого существования, по всей видимости, следует отнести к последним десятилетиям XI в., при сохранении относительной автономности на протяжении большей части XII в. Последующий период, вплоть до монгольского нашествия 1238 г., был периодом ассимиляции рассматриваемой территории структурами Черниговского княжества.

Временем начала второго периода существования Верховской исторической провинции, по всей видимости, следует обозначить 1357 г. – момент утраты потомками черниговской династии новой столицы Брянска. Этот период характеризуется сложным политическим и военным лавированием между существующими и зарождающимися центрами силы – Ордой, Литвой, Москвой. Несмотря на политическую раздробленность и даже потерю черниговской династией контроля за отдельными частями своих земель, в отечественной истории этот период отмечен как период Верховских княжеств, что подчеркивает уникальный параллелизм и синхронность процессов, протекавших на территории Верховской исторической провинции. Почти одновременный переход различных княжеств под контроль и протекторат Московского и Литовского великих княжеств сопровождался постоянными поисками могущественных союзников в сочетании с по-

пытками сохранения максимальной внутренней самостоятельности. Включение верховских княжеств в состав Московского государства в начале XVI в. и их окончательная ликвидация в 1563 г. обозначают завершение второго периода. Отсутствие на протяжении трех четвертей XVI в. внимания к проблемам верховских территорий, ставших южными рубежами Московского царства, привело к значительной их депопуляции и падению уровня экономического развития. Внимание последних Рюриковичей в конце столетия не смогло компенсировать ранее понесенные демографические и экономические потери, хотя и усилило военные позиции государства.

Последним, практически фантомным, проявлением Верховской исторической провинции стал период Смуты начала XVII в., когда потеря централизованного военно-административного контроля со стороны московского правительства привела к фактической независимости от него северских и верховских земель, по иронии судьбы частично повторившего очертания прежнего Черниговского княжества. Это обстоятельство лишний раз подчеркнуло значимость географического и транспортного расположения рассматриваемой территории, но не смогло стать основой какого-либо реального сепаратизма в условиях полного отсутствия каких бы то ни было идеологических предпосылок. По завершению Смуты всякие следы верховской исторической провинции были стерты в результате закрепления уездного территориального деления, массовой смены местных элит и миграции населения.

Верховская историко-географическая провинция являлась оригинальным территориальным образованием, отличавшимся спецификой своего развития от соседних частей России. Известные отличительные черты данной провинции позволяют считать ее отдельным уникальным регионом славянского мира и дают основания для дальнейшего специального изучения ее прошлого.

Список литературы

1. Кузьмин А.В. Верховские княжества // Большая российская энциклопедия: в 26 т. М., 2006. Т. 5.
2. Полное собрание русских летописей: в 43 т. СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись.
3. Майоров А.А. История орловская. Славянская история с древних времен до конца XVII в. Орел, 2013.
4. Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития. М., 1996.
5. Сборник Муханова. М., 1836. № 7.
6. Любавский М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892.
7. Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского права (продолжение) // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 290. СПб., 1893. Декабрь.
8. Грушевський М. Історія України-Руси: в 10 т. Київ; Львів, 1907. Т. 4: XIV–XVI віки – відносини політичні.
9. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915.
10. Kuczyński S.M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.
11. Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012.
12. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1.
13. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885.

References

1. Kuz'min A.V. Verkhovskie knyazhestva. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: v 26 t.* Moscow, 2006, vol. 5.
2. *Polnoe sobranie russkikh letopisey: v 43 t.* St. Petersburg, 1908, vol. 2. Ipat'evskaya letopis'.
3. Mayorov A.A. *Istoriya orlovskaya. Slavyanskaya istoriya s drevnikh vremen do kontsa XVII v.* Orel, 2013.
4. Gorskiy A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vv. Puti politicheskogo razvitiya.* Moscow, 1996.
5. *Sbornik Mukhanova.* Moscow, 1836, no. 7.
6. Lyubavskiy M.K. *Oblastnoe delenie i mestnoe samoupravlenie Litovsko-Russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo litovskogo Statuta.* Moscow, 1892.
7. Leontovich F.I. *Ocherki istorii Litovsko-Russkogo prava (prodolzhenie). Zhurnal ministerstva narodnago prosveshcheniya.* Ch. 290. St. Petersburg, 1893. December.
8. Грушевський М. *Історія України-Руси: в 10 т.* Київ; Львів, 1907. Т. 4: XIV–XVI віки – відносини політичні. (In Ukrainian)
9. Lyubavskiy M.K. *Ocherk istorii Litovsko-Russkago gosudarstva do Lyublinskoy unii vklyuchitel'no.* Moscow, 1915.

10. Kuczyński S.M. *Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy*. Warszawa, 1936. (In Polish)
11. Shekov A.V. *Verkhovskie knyazhestva. Seredina XIII – seredina XVI v.* Moscow, 2012.
12. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 9 t.* Moscow, 1987, vol. 1. Kurs russkoy istorii. Pt. 1.
13. Barsov N.P. *Ocherki russkoy istoricheskoy geografii. Geografiya Nachal'noy (Nestorovoy) letopisi*. Warsaw, 1885.

Поступила в редакцию 08.02.2016 г.
Received 8 February 2016

UDC 94(470)

“VERKHOVSKAYA HISTORICAL-GEOGRAPHICAL PROVINCE”: LOCALIZATION AND LEGITIMACY OF CONCEPT USE

Anatoliy Aleksandrovich MAYOROV, Orel State Institute of Culture, Orel, Russian Federation, Candidate of History, History and Museum Affairs Department, e-mail: aamajorov@rambler.ru

The history of Russia as a whole can be effectively studied only on the basis of extensive research of the history of the Russian regions, which have the individual specific features of its development. One of such regions is the area of the upper reaches of the Oka river, which can be named as a separate historical and geographical province. That region from the VIII–XVI centuries was characterized by the presence of a common set of political, economic, social and geographical features that have caused prolonged existence of the first autonomous vyatichi's ethno-political associations (tribal reign) and then Verkhovskye principalities, which were surrounded by a strong economic, military and political neighbors. The history and reasons of the viewed term are analyzed, the possible periodization of region's history, economical-geographical and historical-geographical presuppositions of its appearance, existence and end are founded. The existence of inner unity and succession of different stages of historical development are founded. The connection of the viewed territory with history of Khazars Kaganate, Principality of Chernigov, Golden Horde, Grand Duchy of Moscow, Grand Duchy of Lithuania, Russian Centralized State is marked. The historiographic review on the considered themes is presented.

Key words: Russia; historical map; Upper Oka region; historical development specifics; historical-geographical province.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-2(154)-67-75